Пустая карта

Автор:
Настасья Карпинская

Пустая карта

Настасья Карпинская

Одинокие #4

Что происходит, когда две параллельные друг другу жизни сталкиваются в одной плоскости? Жизнь научила ее не доверять людям, их клятвам и словам о верности и любви. У нее ничего нет, но она преданна своей семье и готова на все ради матери и сестры. У него есть все: деньги, шикарная квартира, бизнес, дорогая машина, пара любовниц и преданные друзья проверенные временем. У него есть все, кроме семейного тепла и любимой женщины. Что может связать двух абсолютно разных людей, когда точки пересечения совершенно отсутствует?Содержит нецензурную брань.

Настасья Карпинская

Пустая карта

Пролог

– Так будет всегда? – Я обернулась, встречая его хмурый взгляд. – Ты такую жизнь мне предлагал – ждать тебя среди ночи от очередной любовницы?

– Даяна – просто друг, я тебе уже говорил.

– Друг… – усмехнулась, качая головой. – А ей повезло с тобой. Я тоже хочу друга, который бы по первому зову прибегал и потр*хивал меня. Удобно. Хорошо устроилась. Аж завидно.

– Не передёргивай. Ей нужна была помощь. Мне что, в стороне постоять надо было?

Это ощущение его внутреннего неприятия моих слов взбесило ещё больше и сделало больней.

– Да блин! Ты говорил, что у неё мужик есть, так пусть этот мужик и заботится о ней. Или это ты тоже мне на уши навешал?

– Оль, может, ты перестанешь себя накручивать. Давай сядем, и я спокойно тебе расскажу, что случилось на самом деле, а ты там уже решишь: верить мне или нет.

– Нет, – отрицательно веду головой, с горечью понимая, что снова налажала. На одни и те же грабли, бл*ть! Дура! – Сказок я в своей жизни однажды наслушалась, спасибо. Мне хватает того, что я вижу, Усманов.

– Да твою ж мать, Оль! Рус с Даянкой поссорились, там что-то такое произошло, что она едва таблеток не наглоталась. Что именно – я не понял, она не в том состоянии была, чтобы внятно объяснить.

– Ага, а ты плащ супермена надел и полетел. У тебя не синдром спасателя случаем?

– Да как хочешь это называй, суть не в этом.

– Суть в том, что у меня тоже есть свой триггер на измену мужиков – не перевариваю п*здеж! – произношу, смотря, как клубится злость в его зелёных глазах.

Мы замолкаем, глядя друг на друга, он ищет доводы и оправдание, а я… Я больше не ищу ничего, лишь тону в тонне едкого разочарования, снова. Прохожу мимо него и, подхватив свою сумку, направляюсь к двери. Я слышу, как он цедит

сквозь зубы ругательство, но не останавливает меня, не старается задержать.

– Вещи завтра заберу, – бросаю, выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

Лифт, удар по кнопке, не поднимая головы, чтобы не смотреть в расположенное тут зеркало. Мне хватает ощущения боли, и я не хочу видеть ещё и её отражение в своих глазах.

И жили они недолго и несчастливо и умерли в разные дни. Сказок не бывает, а реальность та ещё сука.

Глава 1

– Это что? Телефонный номер твоего риэлтора? – Франц вскинул брови, когда я на его вопрос о цене моей новой квартиры просто черкнул цифры на листке и протянул ему.

– Цена, – произношу, откинувшись на спинку кресла и отпивая из чашки крепкий кофе.

Я прекрасно отдаю себе отчёт, что сумма заоблачная даже для оборотов Стаса, имеющего довольно большую сеть магазинов спортивного питания и фитнес-центр. Она и для меня была заоблачная, именно поэтому я вытянул средства из оборота фирмы, что делать было нельзя, особенно в таком объёме.

– Ты *б*нулся? – Он отбросил в сторону клочок бумаги и посмотрел на меня взглядом, отражающим явное сомнение в моих умственных способностях.

– Если брать во внимание моё бедное детство, то это просто психологическая компенсация, – улыбнулся, отставляя в сторону чашку.

В действительности я четыре года облизывался на квартиры в этом комплексе, и вот на пороге сорокалетия меня вынесло, и я рискнул. Жизнь дана на то, чтобы ею наслаждаться, а не только впахивать без выходных и праздников.

– Моя версия более реальней.

– Стас, мне бухгалтер нужен, чтобы прям огонь, чтоб дважды два равнялось этой сумме.

– А вот раньше перед покупкой этой дорогой халупы ты не мог позвонить и сказать: Стасян займи бабок?

– У тебя семья, а там сумма – не двадцатка до зарплаты, мне совесть не позволит так сделать.

– Зато под статью попасть твоя совесть тебе позволит, дебил.

– Не беси. Лучше помоги. Я редко тебя о чём-то прошу.

– Ты вообще никогда не о чём никого не просишь, – процедил раздражённо Стас, нервно покручивая пальцами телефон. – Слушай, а может, Нику Волкову попросить посмотреть, у неё же контора бухгалтерская? Вдруг что посоветует.

– Нет, даже в качестве консультации не обращусь. Мне потом Волков в случае чего голову откусит и не подавится. И будет прав.

– Ну, я тебе помочь не могу, у меня таких умельцев нет… Я поспрашиваю.

– Буду признателен.

– Последствия – если не найдёшь?

– Самые печальные. Моя засланная птичка из налоговой напела, что у них ещё в прошлый раз возникли ко мне вопросы, а если я сейчас подам реальные цифры, то вопросов станет очень много.

– Ага, а взъ*бывать они мастера, только повод дай.

– Вот и я о том же.

– На новоселье-то пригласишь?

– Ещё ремонт идёт. Как только, так сразу.

– Ловлю на слове. Ладно, поеду я. Если найду кого, наберу, – пожав руку, Франц удалился, уже по пути из кабинета отвечая на телефонный звонок.

Рабочий день прошёл в жёстком ритме – три встречи, совещание с управляющими магазинов и ворох бумаг к вечеру, который желательно было разобрать уже к началу следующего дня. На часах было около десяти, когда на пороге появилась Даяна, как обычно почти не слышно. Удивительная способность беззвучно приближаться.

– Можно? – произносит она тихим голосом, прислонившись к дверному откосу.

– Конечно.

Она подходит ближе, и я вижу покрасневшие от усталости глаза, в которых грусть, тоска и душевные метания. Протягиваю руку, жестом прося подойти, но она делает шаг и, взяв мою ладонь, прислоняет её к своему лицу, прижимаясь к ней щекой. Поднимаюсь и привлекаю её к себе, обнимая и целуя в макушку.

– Пятнадцать минут, Слав, и я уйду, – утыкается лбом мне в грудь. – Мне просто надо немного выдохнуть.

– Спешишь?

– Не хочу отвлекать тебя от работы.

– Я уже домой собирался. Ты на машине?

– Такси.

– Отвезти тебя?

– Да.

Отстраняюсь на пару минут, чтобы выключить ноут и убрать бумаги в сейф.

Мы выходим с Даяной из бизнес-центра, и её немного ведёт, она едва заметно запинается на ровном месте. Прижимаю её к себе, поддерживая, направляя к уже заведённой машине. Она снова вымотана, снова работала на износ. В первый месяц нашего знакомства я думал, что это желание заработать как можно больше, но это не было потребностью в деньгах, она просто прячется от одиночества в работе и иногда переходит черту, выдавая стахановские темпы, а после валясь с ног в прямом смысле слова.

– Алекс вчера звонил. – Она вытаскивает тонкую сигарету и приоткрывает окно, закуривая, салон тут же обволакивает тонкий аромат вишни.

– Снова с просьбой поиграть в любящую жену на очередном приёме?

– С согласием на развод, – усмехнулась, бросая на меня взгляд.

– Растёт мужик, прям на глазах. Подпишешь?

– Конечно. Сначала было желание его промурыжить, разделом имущества пригрозить или рассказать его женщине, что он всё это время был женат, но решила, что «баба с возу кобыле легче», так что завтра съезжу, всё подпишу и пошёл он к чёрту.

– Из-за этого накрыло?

– Нет, этот факт порадовал, что даже шампанское вчера открыла. Сегодня родители звонили… – она осеклась, делая глубокую затяжку и медленно выдыхая дым. – Мне тридцать лет… Почему я до сих пор чувствую себя неуверенной маленькой девочкой, когда слышу их голоса? Почему я не могу никогда сказать им «нет»? Слабая безвольная овца.

– Ты сильная, Дая, и ты это знаешь.

– Я позволила им сломать мою жизнь.

– Тебе было всего восемнадцать, – произношу, наблюдая, как она, затушив одну сигарету, сразу тянется за второй.

– Это не оправдывает ни меня, ни их.

Я останавливаю машину, и она тянется за брошенной на заднее сиденье сумочкой.

– Не торопись, я поднимусь.

– Останешься?..

В этом вопросе всё: надежда, боль и просьба, и я утвердительно веду головой, беря её кисть и прижимаюсь губами к нежной тонкой коже. Дая докуривает, и мы выходим, направляясь к подъезду.

Она живёт в сталинской многоэтажке в самом центре города, и её экстравагантное жильё полностью отражает её неординарную натуру. При потолках более четырёх метров интерьер был минималистичен, а её увлечение антиквариатом, с помощью которого она расставляла акценты, удивительным способом сочетая его с современной мебелью и вещами, делало квартиру очень тёплой и уютной, и такой же необычной, как её хозяйка.

Поворот ключа, щелчок выключателя. И я знаю, что будет дальше: душ, разогретый ужин, оставленный её заботливой домработницей, пара бокалов красного вина и разговоры – открытые, откровенные, болезненные. И сон. Просто сон двух уставших людей, ищущих тепло в объятиях друг друга, схожих в своём одиночестве.

– Тебе рыбу или мясо? – произносит Дая, скинув с ног туфли и собирая у зеркала свои белокурые волосы в хвост, пока я убираю наши вещи в шкаф.

– Мясо.

– Вино?

– На твой вкус.

– Ты же знаешь, что это будет красное, а ты любишь, что покрепче – ром или виски.

– Я переживу.

Она улыбается и, подойдя ближе, касается губами моих губ.

– За это я тебя и обожаю, Усманов, с тобой всегда можно договориться.

Глава 2

Выйдя из душа, я наблюдаю, как Дая расставляет на столе тарелки с разогретым ужином и приборы. Красивая, миниатюрная с шикарным вкусом ко всему, без излишеств. Мы сходились с ней во многом, порой понимали друг друга с полуслова, с одного кивка головы. И я не раз себя спрашивал: почему мы не заходим с ней дальше, что останавливает?

Она достаёт вино, а я сажусь за стол.

– Дая.

– А? – Она протирает бутылку и подносит её к столу со штопором, чтобы я открыл.

– Выходи за меня.

В голубых глазах удивление, а губы растягиваются в мягкой улыбке.

– У тебя сегодня тоже хреновый день?

Она тоже садится за стол и ловко разделывает приборами рыбное филе, наблюдая, как я наполняю наши бокалы.

– Я серьёзно сейчас.

– Давай подождём с этим. Вот если ты не женишься через пять лет, и твоё предложение ещё будет в силе, то я соглашусь.

– Почему через пять лет?

– Потому что у тебя ещё есть шанс встретить ту единственную.

– Может, через пять лет у меня уже стоять не будет.

Улыбка снова играет на её губах, и она, не сводя с меня взгляда, делает глоток из бокала.

– Я это переживу.

– Почему ты подала это лишь с одной стороны? У тебя тоже есть шанс построить отношения. Вероятнее всего, это ты выскочишь замуж, а я останусь не у дел. Заставляете вы меня во френдзоне сидеть, Даяна Павловна.

– Кому я нужна бракованная? – и улыбка стирается, превращаясь в горькую усмешку, исказившую губы.

– Зачем ты так?

– Это правда, и ты это знаешь. Я не могу иметь детей, совсем не могу, даже шанса нет. И я не хочу потом наблюдать, как мой мужчина засматривается на детей на детской площадке, понимая, что я не могу ему их подарить. Или каждый раз переживать, что он может уйти к той, которая сможет ему родить.

– Дети – это не главное.

– Может, и не главное, но это имеет большое значение.

– Есть детдома, суррогатные мамы.

– Ты бы подписался на ребёнка из детдома?

– Меня воспитывала тётя, поэтому я не вижу в этом ничего странного.

– Слав, воспитывать своего племянника и воспитывать абсолютно чужого ребёнка – это разные вещи и не все на это согласны.

– Суррогатные матери?

– Я не уверена, что выдержу это, – смотреть как твой ребёнок растёт в другой женщине и, не имея возможности самой испытать это, чувствовать его шевеления, ощущать в себе новую жизнь. Я с ума сойду от чувства жалости к себе. Тогда уж лучше из детдома.

– Дая… – мне хочется её поддержать, сделать эту тему для неё менее болезненной.

– Давай не будем об этом сегодня.

– Хорошо.

Остаток ужина разговариваем о работе, и я вижу, как ей становится легче. Пока она принимает душ, я убираю посуду в посудомойку, а после, допив вино, мы скрываемся в полумраке спальни. Белые простыни на её большой кровати с коваными спинками выглядят маняще и контрастно в сочетании с чёрным полом; старый французский фильм через проектор на стене и её голова на моём плече. Человеческое тепло, которого так не хватает нам двоим. Сегодня не будет секса, он будет утром, а сейчас лишь полумрак, тонкий аромат её геля для душа и отдых от работы, от одиночества, от мира.

– Ты когда свою старую колымагу поменяешь? – кивнул в сторону её чёрной ауди, когда утром мы вышли на улицу и ждали, пока прогреются машины.

– Ей всего пять лет, и я не хочу её менять.

– Машину надо менять каждые три года, иначе она у тебя из серваков перестанет выезжать. Тебе тачку подарить?

– Подари. Наконец-то перестану всем доказывать, что я сама машину купила, смогу честно сказать – насосала.

Смеясь, отбросил сигарету в урну и привлёк к себе Даю, коротко целуя в губы.

– У тебя когда день рождение?

– В сентябре.

– До сентября на этой поезди, а там разберёмся.

– Если тебя не посадят. – Она улыбается, но в тоне уже нет прежней игривости. – Что за тёрки с налоговой?

– Откуда информация?

– У нас бухгалтера из одной конторы.

– Понятно.

– Светлана не вытягивает?

– Она в чистую может считать, а мне надо, чтобы дважды два пять вышло, а точнее дважды два – семьсот восемьдесят шесть миллионов двести шестьдесят тысяч.

– Это стоимость той квартиры в новом квартале? – брови Даяны вскинулись вверх. – И чем тебе старый фонд не нравится?

– Мне нравится эта.

– У меня таких талантливых нет, но я постараюсь расспросить парочку знакомых.

– Не волнуйся, я найду выход.

– А если нет, то я останусь без новой тачки, Усманов. – При этом Даяна делано взмахивает ресницами, что вызывает мой хохот. Это совсем не её амплуа, и она об этом прекрасно знает. – Так что я теперь тоже переживаю.

– Теперь знаю, чем тебя можно купить – тачкой. А брюлики подойдут? Так, на будущее, чтобы знать.

– Слав, ты же знаешь, что не в машине дело, – произнесла уже совершенно серьёзно, поправляя ворот моей рубашки.

Если бы она хотела, могла бы три новых люксовых тачки купить и не испытывать при этом никаких затруднений, мы оба это понимаем.

– Знаю, и спасибо за это, – сжав её прохладные пальцы, поднёс их к своим губам, касаясь поцелуем.

***

– Алексеева Ольга Викторовна. На выход.

Слова, которые я ждала долгих два года, шаг за шагом по казарменным коридорам, в неверии, что уже через четверть часа я выйду за ворота колонии.

– Вещи на досмотр. – Расстёгиваю небольшую сумку, ставя её на обитый нержавейкой стол. – Документы. Распишись. – Я забираю протянутые бумаги с паспортом и ставлю свою подпись в каких-то табелях. – Вещи твои, – мне протягивают небольшой пакет, в котором лежит золотой браслет, два тонких кольца и небольшие золотые серьги.

Это то, что было на мне в момент поступления в колонию – колонию общего режима номер пять. Украшения из драгоценных металлов в таких местах под запретом, носить разрешалось только бижутерию, поэтому их сразу изъяли. За эти годы я и забыла, что они вообще у меня были. Молча забираю пакет, засовывая его в сумку.

– На выход! – резко раздаётся от конвоира.

Мы, минуя пост, выходим на улицу, через двор к первым воротам. Предъявление документов на КПП, и быстрым шагом ко вторым воротам. Ноги, обутые в резиновые сапоги, месят весеннюю грязь, которая налипает на обувь тяжёлыми комьями, но я иду, не обращая на это внимания.

Лязг железных засовов, и дверь, наконец, распахивается.

– Ну что, Алексеева, до встречи, – улыбаясь, произносит конвоир.

– Нет уж, прощайте.

– От сумы до тюрьмы, – раздаётся вслед, и он, смеясь, закрывает за мной дверь.

Глава 3

Вытащив из сумки пачку сигарет, чиркнула спичкой, подкуривая, и, сделав затяжку, двинулась по обочине просёлочной дороги в сторону виднеющегося вдалеке посёлка городского типа. Сапоги месили грязь, а погода неумолимо напоминала о прошлом.

На календаре 19** год. Мне семь. Я жую битум на стройплощадке неподалеку от дома, бегаю постоянно с разбитыми коленками, вечерами смотрю «Спокойной ночи, малыши!», а по праздникам езжу с мамой и папой в Детский мир. Деревья ещё большие, мир бескрайний и дружелюбный, и всё ещё впереди. Именно так мне и казалось. А потом ушёл отец…

Просто собрал в потёртый чемодан свои вещи и, не обращая внимания на мать, застывшую у стены в коридоре, как изваяние, ронявшую молчаливые слёзы и держащую на руках трёхмесячную Алинку, ушёл. Поцеловал меня в макушку и ушёл. И мой мир разрушился, точнее будет сказать, что просто мои розовые очки, присущие всем детям, в одно мгновение разбились, оголяя и открывая неприкрытое зло этого мира: его грязь, боль и беспощадность. Тогда тоже была такая же весенняя слякоть и грязь. Я вышла гулять. Резиновые сапоги тонули в грязной жиже, издавая чавкающие звуки, а я бродила по детской площадке у дома и, несмотря на моросящий дождь, не желала идти домой, где была орущая

Алинка и тихо плачущая мать.

Это случилось двадцать три года назад. Отец так и не вернулся, а я до сих пор помню те резиновые зелёные сапоги, облепленные весенней грязью с крапинками от дождевых капель.

Улицы ПГТ* тоже не особо отличались чистотой, но тут хотя бы был асфальт и идти стало легче.

– Эй, ребятня! – окликнула я пацанов лет восьми, гоняющих мяч у одного из частных домов. – Где у вас тут вокзал?

– До конца улицы и налево, там станция.

– Спасибо. – Отфутболила подкатившийся ко мне мяч обратно мальчонке и, улыбнувшись, подмигнула.

Войдя в одноэтажное кирпичное здание, облезшее снаружи и не видавшее ремонта со времён развала Советского Союза внутри. Я направилась к окнам с надписью «Касса». Словно в машину времени попала: мраморные полы, крашеные эмалью не в один слой; подоконники, уже пожелтевшие от времени, потрескавшиеся и местами облупившиеся, открывавшие в этих «срезах» целую историю. Белёные потолки со старыми люстрами и жёлтыми подтёками из-за прохудившейся крыши; деревянные полуразвалившиеся кресла в зале ожидания и часы – большие, круглые с белым циферблатом, чёрными цифрами и бледно зелёным корпусом, – казалось, намертво замурованные в стену.

– Билет до Н-ска сколько стоит? – обратилась в окно, заставляя грузную женщину лет сорока пяти оторваться от своего вязания.

– Ускоренный, обычный?

– Разница в стоимости большая? И какой ближайший? – Денег в кармане кот наплакал: выданный ЕДП** плюс компенсация на билет до Н-ска и заработанные копейки за последние отработанные дни – итого и двух тысяч нет. Но я готова была отдать их все, лишь бы как можно быстрее увидеть мать и сестру.

– Ускоренный – четыреста рублей, обычный – двести двадцать. Ближайшая посадка в двенадцать тридцать восемь, экспресс.

– Давайте ближайший, – протянула паспорт в окошко.

– Сколько билетов?

– Один.

Убрав паспорт с билетом в сумку, двинулась к единственному киоску в этом здании, на вывеске которого было написано от руки фломастером «Горячий кофе».

– Девушка, кофе можно?

– Вам чёрный или три в одном?

– Чёрный с сахаром. А пирожки есть?

– С картошкой, капустой, беляши, сосиска в тесте, самса.

– С капустой один, пожалуйста.

Никогда ещё обычная еда не казалась мне настолько вкусной: то ли дело в том, что кофе я за эти два года почти не видела, то ли в том, что ела я не в казарме со всеми, а на свободе.

Людей становилось всё больше, и в какой-то момент даже в глазах зарябило от количества красок в одежде – привыкла я к серой безликой робе и такой же серой форме надзора. Когда объявили подходившую электричку, все двинулись на перрон. И я, перекинув сумку через плечо, двинулась за всеми.

Четыре с половиной часа в мыслях о доме, о маме, о своём чувстве вины перед ней.

Я вышла на перрон в своём городе, силясь вспомнить, на какой автобус мне нужно сесть и одновременно поражаясь тому, как информация, которую я знала с детства, стёрлась в моей памяти за эти два года.

– Оля… Ольга Алексеева!

Я повернула голову, с трудом узнавая в рядом стоящей женщине Светку.

– Света, – и ком подкатил к горлу.

Мы дружили с ней со школьной скамьи, дружили так, что нас считали сёстрами. Два года назад она плакала, успокаивая мою мать в зале суда, когда огласили приговор, разрывая мою душу в клочья.

Светка тут же бросилась ко мне с объятьями, стискивая меня в руках.

– Как же я соскучилась… – И, отстранившись: – Ты как? Всё? – Риторические вопросы, только тоска и надежда в голосе.

– Сегодня освободилась.

– По УДО***?

– Да.

– Почему не позвонила? Не написала? Я бы встретила.

– Стала бы я тебя напрягать.

– Ой, дура! Я бы прямо к воротам за тобой приехала, если бы знала. – И, отвернувшись, крикнула, взмахнув рукой: – Анька, я тут! – Белокурая девочка-подросток в смешной дутой куртке поспешила к нам. – Племянницу встречаю, родители её опять по командировкам мотаются, а я за няньку.

– Свет, какой автобус идёт отсюда до нас? Вспомнить никак не могу.

– Какой к чёрту автобус, сейчас отвезу. Анют, ну, давай быстрей.

***

– Слав, – промурлыкала Юля, пройдясь ноготками по моей груди, – отвезёшь меня обратно до работы.

– Забыла что-то? – Я лениво потянулся на белых простынях, после секса хотелось курить, но выходить на открытый балкон отеля под холодные порывы ветра не было никакого желания.

– Нет, меня Сеня просто обещал забрать. Я ему и так соврала, что задержусь.

У Юли был большой плюс – она была замужем, причём глубоко и надолго, с собакой, сыном и дачей по выходным. Поэтому наши отношения она не афишировала и не форсировала в какую-либо сторону, что устраивало и меня, и её.

– Хорошо, собирайся, – привлёк её к себе, коротко поцеловав. – И не забудь о том, о чём я тебя просил.

– Я постараюсь узнать больше, но ты ведь понимаешь, что я не на той должности нахожусь, чтобы быть настолько в курсе.

Когда-то она сидела в администрации города, что было гораздо выгодней, но руководство сменилось, и она была вынуждена уйти. Теперь же Юля работала в налоговой, но на такой маленькой должности, что толку от неё почти не было.

– Юль, у тебя есть уши и мозги, так воспользуйся ими. Ты же знаешь, что я отблагодарю.

– Конечно, знаю, – она улыбнулась и потянулась к сумке за косметичкой, блеснув золотым браслетом, который я подарил ей в прошлом месяце.

*ПГТ – посёлок городского типа

**ЕДП – единовременное денежное пособие (в РФ это 800-850 рублей) выдаётся заключённому при освобождении из мест лишения свободы, а также выдаётся билет или денежная компенсация на его приобретение, если освобождаемого никто не встречает и ему нужно будет самостоятельно добираться до дома. В кассе бухгалтерии помимо ЕДП выдают и остальные причитающиеся осужденному деньги, например, если что-либо осталось на лицевом счёте, на который зачислялась заплата в колонии.

***УДО – условно-досрочное освобождение.

Глава 4

– Оля… – выдохнула мама, открыв дверь, и её глаза тут же наполнились слезами.

– Мамуль, – сделав шаг и скинув с плеча сумку. Тёплые крепкие объятия и такой родной, и уже почти позабытый запах близкого человека – это то, чего, оказалось, так отчаянно не хватало все эти годы.

– Отпустили? – отстранившись и с такой тревогой и надеждой вглядываясь в мои глаза.

– Да, мам. – Её слезы по щекам, и душу сжало в железные тиски. – Всё хорошо. Я дома, мам. Не плачь, пожалуйста.

– Это от радости, дочь, – произнесла, вытирая влагу носовым платком. – Не ожидала совсем. Ты не написала, не позвонила.

– Прости. Всё могло в любой момент измениться, и я бы потом чувствовала себя виноватой. Я и так ею себя чувствовала. Я была виновата перед ней за все её слёзы и боль, что она пережила. Эту боль может понять только тот, кто это пережил, кто видел это в глазах своей матери, то отчаянье и безысходность, когда тебе уводит конвой из зала суда. И я бы отдала всё на свете, только бы она этого никогда не видела. Пока я принимала душ, ровно пятнадцать минут по привычке, выработанной за два года (именно столько дают времени всему отряду в банный день в колонии), мама разогрела обед. Когда я зашла на кухню,

она уже замешивала оладьи.

– Мам, зачем? Мне и этого хватит.

– Кушай садись. Вечером ещё Алинка придёт голодная.

– А где она сейчас? – В университете или со своими подружками по городу шатается.

– Учится нормально? – Да кто её знает, Оль. Передо мной она давно не отчитывается, – произнесла мама, отвернувшись к плите. Я сделала себе мысленную заметку, поговорить с сестрой и узнать, чем она вообще живёт. Алинка была избалованной девицей. После ухода отца мать была вынуждена работать на двух работах, чтобы нас прокормить, и, видимо, испытывая какую-то вину за своё отсутствие, старалась дать нам всё самое лучшее из того, что было в её силах, а Алинка этим безбожно пользовалась.

– Мам, а мои вещи ещё остались? Мне бы кроссовки какие, до участкового сбегать, а то от резиновых сапог уже ноги отваливаются.

– Конечно, Оль. В кладовке и на балконе коробки. Я, что могла, забрала из твоей квартиры перед продажей, правда Алинка кое-что повытаскала, зараза, пока я не видела. Закончив с едой, я сполоснула тарелку над раковиной и, поцеловав мать в щёку, пошла искать обувь.

– Мам, ты вечером на работу?! – крикнула из коридора, натягивая куртку и вытаскивая из сумки документы.

– Я с ночной сегодня, мне только послезавтра с утра выходить, – она вышла в коридор.

– Тогда чего возле плиты стоишь? Иди отдыхай. Её чуть подрагивающие руки и тени, легшие под глазами, вызвали во мне беспокойство.

– Ну ты чего? Как я тебя голодной оставлю.

– Я сама себе приготовлю, с голоду не помру. Пожалуйста, отдохни, мам, – и она снова, не удержавшись, сжала меня в своих руках.

– Я скоро приду, мам, – поцеловала её в щёку и выскользнула за дверь, сглатывая вставший в горле ком.

Остановившись у подъезда, подкурила сигарету и, глубоко затягиваясь, окинула взглядом родной двор и свою всё ещё стоявшую на парковке чёрную четырку, правда со спущенными колёсами. Жива ли она ещё? Надо проверить. Я купила её на последнем курсе института, тогда уже больше года подрабатывала, и моих накоплений едва хватило на её покупку и страховку. А потом был Влад и его подарок в виде Мазды сх-9, которая была официально оформлена на моё имя. Я так и не определилась: это вышло мне плюсом или сыграло против. Мазду пришлось продать, как и квартиру в центре, чтобы покрыть «ущерб, нанесённый преступной деятельностью». Эта же машина фигурировала как доказательство этой деятельности, мол, на свои кровные я не имела возможности приобрести подобный автомобиль без кредита. Воспоминания о Владе породили физически ощутимую горечь, и я, сделав последнюю затяжку, выбросила окурок. Хорошо, что ту машину пришлось продать, я бы всё равно больше не села за её руль.

– Ольга? Алексеева? Да ладно! Обернувшись на голос, увидела Валерку с пятого этажа. Когда-то вместе в детский сад ходили и оба выросли в этом дворе.

– Привет!

– Привет-привет! Давно ты… ну это… откинулась?

– Сегодня.

– Мои поздравления, – он искренне пожал мою руку и потянулся к карману за сигаретами.

– Спасибо, Валер.

– Чем заниматься планируешь?

– Да пока не знаю. Вот стою, на тачку свою смотрю, надо реанимировать лошадку.

– Да без проблем. Я же тут сервис небольшой в отцовском гараже открыл. Загоним, подшаманим.

– Сдерёшь ведь три шкуры за своё «подшаманим», а я пустая сейчас на бабки.

– Алексеева, ну ты меня сейчас обидела прям, – эмоционально проговорил, едва успев выдернуть изо рта сигарету. – Как не родная, ей богу. Договоримся. Я своих не обижу.

– Мне к участковому сейчас надо, – бросила взгляд на наручные часы.

– Всё, лады, не задерживаю. На обратном пути подходи, я в гараже буду. Подготовлю колёса, мы её переобуем тут и до гаража на тросе дотащим.

– Спасибо, Валер, подойду.

В кабинете у участкового пахло сыростью и недавно съеденным доширaком.

– Так, Алексеева, пределы города не покидать, каждую пятницу отмечаться у меня.

– А если на дачу или в лес по грибы? – я усмехнулась, не совсем понимая смысла подобных ограничений. Я же не по «два-два-восемь» сидела и не за грабёж – обычно таких как на привязи держат.

– Обо всех своих перемещениях мне сообщаешь. Ясно?

– Ясно.

– До пятницы свободна.

***

– Привет, мой милый! – произнесла мама, подходя к моему столику. Я поднялся, приветствуя её поцелуем в щёку.

– Привет! Как добралась? – отодвигая стул и помогая ей сесть.

– Хорошо, пока пробок нет, можно спокойно ездить. Какой симпатичный ресторан. Я ещё тут не была, – она обвела взглядом помещение, и на её губах появилась улыбка. Мне нравилось, когда я мог её чем-то приятно удивить или порадовать.

– Ты хотела о чём-то поговорить?

– Да. Только давай закажем кофе для начала. Когда принесли кофе, она, постукивая ноготками по чашке, подняла на меня взгляд. – Оксана объявилась… Настроение тут же поменялось: и моё, и мамы.

– Снова? Что хотела?

– Что и всегда. Помощи. Денег.

– Я уже надеялся, что она в какой-нибудь подворотне померла.

– Слав, она твоя мать.

– Моя мать – это ты, а она – это так, биологическая составляющая. Я надеюсь, ты ей ничего не обещала?

– Нет, я сказала: сначала поговорю с тобой.

– Ни копейки ей не давай. Где гуляла все эти тридцать девять лет, путь там и гуляет. Можешь так и передать.

– Ты строг к ней.

– Я справедлив. И я своей позиции не поменяю.

Глава 5

После встречи с мамой ощущал внутри раздражение, едкое и не стихающее. Всё это оттого, что она снова назвала Оксану моей родной матерью. Нет, родная мать никогда бы не оставила двухмесячного сына своей бездетной сестре и не свалила бы в поисках «женского счастья» с очередным *барем. Для меня родная мать – это Люба, которая вырастила, выкормила, сделала всё, чтобы я вырос нормальным человеком. Именно она дала мне старт в жизнь, она всегда была рядом, будь то ветрянка или разбитое в школе окно, всегда поддерживала и направляла. Только она. А этой вообще в моей жизни не было. Я порой видел письма, которые она писала Любе, ещё когда в школе учился, и в них не было ни строчки, ни вопроса обо мне, там было только одно: «дай денег», «пришли денег», «помоги деньгами». Я увидел её впервые пять лет назад. Она приехала к Любе и просила помочь. Снова. Когда я вошёл в квартиру, она даже не поняла, кто перед ней. А я увидел в ней лишь потрёпанную жизнью торгашку с рынка, с засаленными волосами, прокуренными зубами и опухшим после хорошей пьянки лицом. Нет, она мне никто, была никем и никем останется, что бы мама ни говорила. Вывернул руль, выезжая с парковки ресторана, вливаясь в поток машин. Надо сегодня срочно в зал, а лучше в спарринг с Волчарой или Стасом. Стиснул руль сильней, до белёсых костяшек, гася и подавляя желание дать волю эмоциям: втопить педаль газа, вывернуть на встречку, поджимая и подрезая мешающие мне авто. Стянув с торпеды пачку сигарет, закурил, приоткрывая окно. Сбросил скорость. Намеренно. Контроль. Иначе всё пойдёт по известному половому органу.

***

После участкового зашла к Валерке. Он уже грузил колёса для моей машины в свою старенькую Тойотку. А через час моя четырка уже ползла на тросе к его гаражу.

– Ну всё, полдела сделано, – произнёс Ефимов, отцепляя трос от машин. – Я сегодня аккум нормальный воткну в неё, попробую завести, а там посмотрю, что да как. Если заведётся, то все патрубки, фильтры, жидкости поменяю, всё проверю. Если нет, буду смотреть, что не так. Ну и колёса тебе сейчас на лето подберу. У меня там на докатку есть комплект тринадцатых.

– Спасибо, Валер. Ты мне до того, как делать начнёшь, сумму скажи, а то вдруг не потяну.

– Частями отдашь со временем. – И, подкурив сигарету, спокойно заметил: – Свои, Оль, а своим помогать надо.

– Ну и как мне тебя благодарить, – усмехнулась по-доброму от того, как в груди сдавило сердце.

– «Долг платежом красен» – знаешь такую поговорку? Забыла уже, как моего Димку спасла. После рождения у его сына обнаружили какие-то врождённые проблемы с сердцем. Операция, сделанная по ОМС, не дала необходимого результата, и они собирали деньги на повторную операцию только уже в Германии и последующую реабилитацию. Я тогда узнала об этом от мамы и не смогла остаться в стороне. Это было давно, года четыре назад.

– Это были просто деньги, Валер. У меня была возможность помочь, я помогла. Как сын, кстати?

– Хорошо, как будто и не было тех страшных лет.

– Дай Бог, чтобы и дальше всё было так же.

– Да, – он выбросил под ноги окурок и затушил его ботинком.

– Ладно, подходи завтра, всё скажу по машине.

– Договорились, – пожав Валерке руку, пошла домой. Во дворе, подкурив сигарету, села на скамейку недалеко от подъезда. В советское время на этом пятаке, напротив дома, был фонтан; сейчас эту чашу старого фонтана использовали как клумбу, а рядом поставили скамейки. Выросшие вокруг деревья создавали тень в солнечный день, и местные пенсионеры любили тут проводить время. Я затянулась сигаретой, всё ещё блуждая в тайниках памяти: по поводу Валеркиного сына, своей матери, участкового и того ощущения, что за два года моего отсутствия так много изменилось. Наверное, просто слишком много впечатлений за один день. Я уже докуривала, когда у нашего подъезда притормозила машина. Явно не местная, ценовой разбег не тот, и номера

«блатные», знакомые… Этот чёрный тонированный танк – будто неприятный вестник из прошлой жизни. Взгляд намертво прилип к чужаку, словно эта тачка представляла угрозу одним своим существованием. Напряжение возросло, и пальцы левой руки впились в край скамьи… И вдруг из машины выпорхнула моя сестра! Горячий пепел упал на пальцы, обжигая, и я, зашипев сквозь зубы, бросила истлевший до фильтра окурок в урну. В памяти выстрелом цифры, когда-то увиденные, отпечатанные в памяти: это Сухановские номера, депутатские. Но за рулём не он, тому лет сорок уже. Это, скорее всего, отпрыск его, через лобовое особенно под таким углом обзора лицо сильно не рассмотреть, но то, что это был молодой человек, было видно. Твою ж мать, Алин! Сестра обошла машину, встав со стороны водительской двери, поцеловала парня через опущенное стекло и побежала к подъезду. Сжала на секунду веки, до боли. Поднявшаяся волна злости, тревоги и страха сдавила горло, будто сжимая свои трупные пальцы вокруг моей шеи. Что же ты дура такая, Алин?! Неужели моя история тебя ничему не научила? Домой я поднималась, стараясь унять тот ад, что творился внутри. Надо нормально с ней поговорить, спокойно, для начала расспросить всё, вдруг это только первые встречи и спрыгнуть с этого вагона ещё можно без потерь. Но надежды на то и надежды, чтобы не оправдываться, мне ли об этом не знать…

Глава 6

Войдя в квартиру, столкнулась с Алинкой в коридоре. Она протирала свою обувь.

– Оля? – удивление в голосе сестры было смешано с недовольством, которое ей не удалось до конца скрыть. – Освободили?

– Да.

– Поздравляю! – Улыбка на лице такая же неискренняя, как и её объятья. Неожиданное и неприятное открытие.

Я прошла за ней на кухню, наблюдая, как она начала рыться в холодильнике и открывать кастрюли и сковородки, стоявшие на плите.

– А что у нас из съестного, только оладьи? М-да, негусто. А где мама?

– Отдыхает после смены.

– Ну, можно было хотя бы суп сварить.

– Возьми и свари. В чём проблема? Мать тебе не кухарка, чтобы для тебя по заказу готовить.

– Я только вчера маникюр сделала. Ты вообще представляешь, сколько сейчас он стоит? Я не буду с покрытием за пятак грязную картошку чистить!

Да-а-а! В этот момент я представляла – и очень даже ярко, только не стоимость её маникюра, а то, как удачно ей пере*бать, да так, чтобы носовая перегородка треснула без смещения.

– Значит, ты с сегодняшнего дня на диете, – едва сдерживая бурлящую злость, произнесла я.

Двинулась к шкафу и потянулась за кастрюлей, чтобы набрать в неё воды. Приготовить что-то всё же надо было, а то мама проснётся, а в доме даже перекусить нечем – этот пылесос сейчас все оладьи подъест.

– Я и так слежу за фигурой.

– На, порежь, – вымыв морковь, положила перед сестрой.

– Ну, Оль. Я же сказала…

– Жрать хочешь? Чисти. А мать дёрнешь хоть раз, я тебе голову откушу.

– Ну, капец, – скривив губы, она дожевала оладьи и всё же потянулась за овощечисткой.

– Учись готовить. Может, хоть этим своего мужика удивишь. Кстати, кто он?

– Ты вроде только сегодня освободилась, а уже обо всём знаешь.

– Я вообще очень много о жизни знаю. Привыкай.

– Марк. Его зовут Марк.

– Сухановский отпрыск, что ли?

– Сын.

– Торчок со стажем. С пятнадцати лет на дури. Тебе приключений в жизни не хватает или просто мозгов дефицит?

– Он почти не употребляет. Очень редко.

– Почти! – от её идиотизма у меня вырвался нервный смех. – Ты сама-то себя слышишь сейчас? «Почти», блин.

– Вот только не надо меня учить!

– Алин, у подобных людей к таким людям, как мы, уважения нет. Мы для них никто. Челядь, не больше. А у наркоманов ещё и психика деформированная. Наиграется твой Марк с тобой и бросит и, дай бог, чтоб не в разных пакетах где-нибудь в лесополосе.

– Вот не надо только преувеличивать. Сама вон с Владом встречалась и жила как королева.

От упоминания этой твари волна злости прокатилась по всему телу, заставляя плотно сжать зубы.

– Ну и чем это закончилось?

– Я не лезу в дела Марка, так что всё хорошо. И вообще, надо сейчас строить фундамент своей жизни, – подчеркнула она слово «сейчас». – К тридцати я хочу нормально жить, по-человечески, понимаешь? А не сидеть в старой хрущёвке и

чистить увядшую морковь на суп. Я хочу иметь возможность заказать эту чёртову еду из любого реста в городе, а не торчать часами у плиты, чтобы тупо пожрать сегодня вечером.

И кстати, я очень рада, что ты вернулась. У тебя же столько знакомых осталось; ты с Владом в таких кругах вертелась, а среди его знакомых же сто процентов есть интересные холостяки. Я бы на твоём месте уже начинала искать своего принца. А то часики-то тикают.

– Спасибо, не надо мне такого счастья. Одно как-то привалило – до сих пор разгребаю. И знаешь, в тридцать уже не принца на белом коне надо искать, а человека, с которым готова разделить постель, воспитание детей, жильё и холодильник. А в перспективе и старость. Человека, на которого в случае чего можно положиться. А принцы хороши в восемнадцать-двадцать лет: страсть, любовь, истерики, скандалы и битьё посуды, а также бурное примирение. Только в девяносто процентах случаев, стоит появиться реальным проблемам – даже возьмём ту же беременность, – этот принц тихонько сядет на своего жеребца и ускачет вдаль. А ты как хочешь, так и крутись. Он же принц, мать вашу, у него другие проблемы – глобальные – и нах*р ему пелёнки твои стирать. Так вот, в двадцать всё это проходит проще и переживается быстрее, так как в запасе есть лет десять, а после тридцати уже разгон не тот, да и сил поменьше. Все чаще и всё больше принимаешь всякую ерунду близко к сердцу, всё чаще задумываешься о будущем, о старости, о детях и возможных внуках. Поэтому уже принца не ищешь, а ищешь обычного мужика: работящего, сильного, спокойного и надёжного. Носки раскидывает? В туалете по часу сидит? Пивасик порой с друзьями глушит под футбол? Ну и фиг с ними! Главное, чтоб на жеребце в степь не ускакал в случае п*здеца жизненного, а плечо своё сильное подставил. А носки уберём; да и друзья с пивом и футболом случаются от силы два раза в год – в новогодние и майские праздники. Зато прийти могу в любой момент к нему, обнять и поныть, что опять п*здец и снова нежданный негаданный; и мужик нытьё моё выслушает, сопли утрёт и проблему решит, а я ему борщ сварю, оливье накрошу и пирогов настряпаю. Так что с принцами поиграться можно, если очень хочется, только замуж за них выходить – не стоит. Не совершай моих ошибок, не верь этим богатеньким принцам. Сейчас ты ещё радоваться можешь, что тебя только вы*бали, и ты жива, и на свободе. Используй шанс соскочить, пока не поздно.

– Если выйдешь замуж за сантехника, ты будешь лишь женой сантехника, а если за принца – то принцессой.

– Если выйдешь за принца, ты будешь дешёвой выскочкой, простолюдинкой. И, как бы ты ни пыжилась, ты так ей и останешься в его глазах и в глазах его родителей. А ещё он будет считать, что он имеет на тебя все права, как на вещь, ибо купил за подарки, брюлики и штамп в паспорте с ним, великим и луноликим.

– Почему ты постоянно всё выворачиваешь так, что мне сдохнуть хочется?

– Тебе двадцать три – почему ты до сих пор всё ещё веришь в сказки?

– А у тебя вся жизнь сосредоточена вокруг кастрюльно-бытового сценария. А я красиво жить хочу!

– Живи, кто тебе мешает, если тебе хочется, только за свой счёт, не за чужой. Не обязательно прыгать к мужику в постель, чтобы иметь возможность слетать в Ниццу. На поездку можно просто заработать – своим умом и руками. Так же, как и на всё остальное.

– На Ниццу, дорогая моя сестрёнка, другим местом зарабатывают, а не руками и умом – то есть кое-чем между этими органами.

– Ну, если ты в проститутки метишь или в подстилки, то, да, именно тем и зарабатывают.

– Девочки, вы уже тут что-то готовите? – Мама вошла на кухню, и мы прервали нашу перепалку с Алинкой. – А я проснулась и подумала, что вас надо чем-то накормить.

– Уже почти всё готово, мам.

– Ой, Оля, я совсем забыла… – и она, что-то приговаривая себе под нос, направилась в коридор и начала рыться в шкафу. – Вот, телефон твой. Я на баланс деньги закидывала и иногда звонки делала, чтобы сим-карту не отключили.

– Спасибо, мам, – и я снова обняла её. Мне кажется, я никогда не устану это делать. – Я про него совсем забыла.

Вечер прошёл в тёплых разговорах с матерью и конфликтах с сестрой, которая была не в восторге, что я буду жить с ней в одной комнате.

– Почему в моей?! Ставь кровать в маминой! – возмущалась она.

– А тебе нежирно будет в самой большой комнате одной жить? Ты, значит, на восемнадцати квадратах будешь в одну харю, а мы вдвоём – на одиннадцати ютиться. Подвинешься. И поднимай свою королевскую задницу, пошли кровать вытащим из кладовки.

Из кладовки пришлось достать не только разобранную кровать, но и коробки с моими вещами, а потом ещё бодаться с Алинкой за место в шкафу.

Когда моя сестра успела превратиться в такую тварь? Всего два года и три месяца меня не было, а такая разительная перемена, что мне удушить её хотелось и с каждой минутой всё больше.

– Оль! – раздался голос матери из её комнаты. Я, отложив разбор вещей, заглянула к ней; она стояла на стуле и что-то искала на антресоли. – Я тут золото твоё убирала… О, вот оно, – и достала небольшой кулёк, скрученный из носового платка, но, развернув, едва не побелела. – А тут не всё… А где же остальное?.. Оль, я отсюда ни колечка не взяла.

– Алина! – крикнула, уже подозревая, куда оно могло пропасть.

– Ну что опять?! Вы достали уже меня сегодня дёргать! Можно спокойно посидеть?

– Где украшения отсюда? – Я взяла остатки из рук мамы и сунула Алинке под нос.

– Что вы так орёте?! Ну взяла я парочку, надела несколько раз. Это что, преступление?

– А ты меня спросила или мать? Или информация, что в детстве в голову закладывали, почему чужое брать нельзя, в твою тупую болванку не влезла?

– Ты в тюрьме была, как бы я тебя спросила?

– Письма туда доходили, а от тебя я ни строчки не получила за два года.

Она злой фурией залетела в свою комнату и, схватив небольшую шкатулку, сунула её мне в руки:

– Вот!

– Проверь всё, Оль, – раздался тихий голос мамы.

– Там всё на месте, – рыкнула эта дура, за что мне непреодолимо захотелось вдарить ей в челюсть. Такими темпами она точно скоро выпросит.

Открыв крышку, порылась в ней пальцами, окинув взглядом остатки прошлой жизни. Если меня не подводила память, то вроде ничего не пропало.

– Повторяю в первый и последний раз: хочешь что-то взять из моих или маминых вещей – подойди и спроси, можно или нельзя. Поняла?

– Я что, маленький ребёнок, что ли?

– Это не о возрасте, а о воспитании и элементарной вежливости, и уважении к людям, с которыми ты живёшь!

– Оль, не надо, – мама ласково, успокаивающим жестом коснулась моей руки, потому что я не сдержалась и настолько повысила голос, что Алинка вздрогнула.

Оставшись с мамой наедине, переложила украшения в шкатулку, ибо она тоже была моя.

– Мам, я же тебе их не на хранение оставляла, а что бы вы ни в чём не нуждались. Давно бы заложила эти побрякушки и всё.

– Зачем? Такую красоту за бесценок. Мы справлялись, Оль. Что поесть было, а значит, всё хорошо. А тебе сейчас всё это пригодится. Кто знает, как жизнь

повернётся. Говорят, после срока тяжело работу найти, да и вообще в жизни устроиться. Я поэтому и телефон берегла. Может, номера знакомых там важные есть, я же не знаю, может, кто помочь тебе сможет.

– Спасибо, мам. Ты у меня самая лучшая, – и снова объятья, такие тёплые и родные, от которых внутри всё переворачивается.

Не было в телефоне номеров тех, кто мог помочь, были только номера тварей, которые предали, но маме об этом лучше не знать.

Глава 7

Утро началось с очередного открытия. Неприятного. Я с шести утра, используя телефон, сидела в интернете и просматривала на сайтах вакансии. Попутно приготовила для всех завтрак и выпила кофе.

Часов в девять, наведя марафет, ушла Алинка, якобы на учёбу, но, судя по её внешнему виду, я очень в этом сомневалась. Около двенадцати я вышла из комнаты, услышав шум в коридоре, и обнаружила, что мама что-то нервно ищет, перетряхивая свою сумку.

– Что случилось?

– На проезд не могу деньги найти: то ли положила куда, то ли Алинка опять вытащила.

Мама была явно расстроена и торопилась. Смена начинается в двенадцать, а время уже половина двенадцатого, а ещё на дорогу сколько же уйдёт да ожидание автобуса.

– Она у тебя что, деньги без разрешения таскает?

Ответа можно было не ждать. По изменившемуся лицу матери всё было понятно без слов, подобная ситуация явно не впервые случилась. Я потянулась к своей куртке и, выудив из кармана паспорт, вытащила оставшиеся после покупки

билета деньги и протянула маме.

– Ой, Оля, не надо, я пешком добегу.

– Возьми. Не успеешь пешком, далеко ведь.

– Я верну, дочь. – Смущение и стыд отразились в её глазах, царапая мою душу.

– Ерунду не говори.

Поцеловав маму в щёку и проводив за дверь, прошла на кухню. Плеснула в чашку кофе и села за стол, нервно стуча пальцами.

Желание раскрасить лицо своей обожаемой сестрёнке стало стойким и окончательно непреодолимым. Надо узнать, где она обитает вне дома. Парадокс, но нового номера сестры у меня не было. Порывшись в телефоне, нашла номер Галины, два года назад она была лучшей подругой Алинки. Надеюсь, номер она не поменяла.

Галя подняла трубку почти сразу.

– Привет! Это Ольга Алексеева, сестра Алинки. Слушай, не знаешь, где я ее могу найти?

Но Галя не знала. Как оказалось, они давно не общаются, и сестричка теперь зависает с девочками другого социального слоя и достатка, а Галю стала считать нищебродкой. Ох*еть расклад. Но некоторую необходимую информацию выведать мне всё же удалось: по вторникам и пятницам она со своими понтовыми курицами зависала в ресторане «Fresco». Это было одно из самых пафосных заведений города.

Откуда же у тебя столько бабла, красавица? Там чашка самого дешёвого кофе стоит дороже, чем кроссовки у среднестатистического работяги. Ладно, устрою я тебе пафосный выход в свет, сестрёнка.

Собралась я за минут двадцать. Вытащив старые люксовые ботинки, кожанку, чёрные брюки и чёрную водолазку из шкафа, осмотрела их. Вроде, Алинка не

таскала – пойдёт. Волосы – в низкий хвост, надеть цацки в уши и на пальцы, чтобы точно пустили. Парочку колец сунула в карман: надо зайти в ломбард, денег даже на такси не осталось. Сумку тоже отрыла в одной из неразобранных коробок плюс водительские права на всякий случай и паспорт с собой. Права ещё действительны, а вот страховки на машину – нет. Ладно, может, она вообще уже «недвижимое» имущество и путь ей только на металл. Сейчас к Валерке забегу и узнаю.

Но Валерка не подвёл.

– Привет! – он пожал мне по-мужски руку, перекидывая сигарету с одного края рта в другой.

– Привет! Ну как, шанс есть? – кивнула в сторону тачки.

– Так всё готово, садись и езжай. Жива ещё твоя лошадка. Вчера всё сделал, сегодня даже по району прокатился, заправил.

– Отлично! Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Сколько я тебе должна?

– Оль, за работу ничего не должна – это так, от души, а по запчастям я не считал ещё. Забеги вечером, если несложно.

– Хорошо, Валер. Забирать уже можно?

– Конечно.

Попрощавшись с Валеркой, залезла в тачку. Как же давно я не садилась за руль и ещё дольше не водила механику, но ручки-ножки ещё помнили.

С места тронулась лишь со второй попытки, но дальше всё пошло как по маслу. Сделав круг вокруг гаражей, остановилась и, достав телефон, загуглила ближайшие ломбарды.

Через полчаса в кармане уже лежала небольшая сумма. С Валеркой, конечно, навряд ли полностью рассчитаться хватит, но какую-то часть я оплатить смогу.

Уточнив через карту в телефоне маршрут до реста в центре, я завела машину и двинулась в путь.

Злость на Алинку не уменьшилась, а когда я увидела её сидящей в ресте у окна и смеющейся в компании таких же идиоток, то и вовсе внутри всё забурлило. Припарковав машину, которая, к слову, очень артхаусно смотрелась на парковке среди люксовых брендированных танков, двинулась к входу.

Я была в этом месте пару раз с Владом и примерно понимаю, что за публика тут собирается и для чего сюда повадилась Алинка.

– Добрый день! У вас забронировано? – встретила меня надрессированная девушка у входа с натянутой улыбкой на лице.

– Меня ожидают вон те девушки, – кивнула я в нужную сторону.

Она снова улыбнулась, окинув меня взглядом, явно оценивая стоимость моих шмоток и угадывая год коллекций. У работающих тут девиц глаз-алмаз: они не то что привыкли к блеску Картье, но и давно научились определять подделки. Только было одно «но» – меня мнение подобных людей давно не трогало, поэтому вместо смущения, на которое так рассчитывала девушка, на моих губах заиграла презрительная улыбка.

– Я могу вас проводить? – всё же вынужденно сказала она.

– Нет, спасибо, я сама.

«Да разверзнутся небеса и грянет гром! Приготовьтесь смерды, грядёт буря!»

С этими мыслями я направилась к столику, за которым сидела моя сестра и вся гёрл-пати проститутского разлива… Приближаясь, до меня доносились обрывки фраз. Я даже замедлила шаг, чтобы услышать больше, хотя нового в их трёпе не было ничего. Но больше всего меня взбесили фразы отдельных барышень, ибо я знала их и их родителей.

– Еб*ть-копать! Прям особы голубых кровей тут собрались! – всплеснула я театрально руками. – У каждой ярды на счету, что ли, или я чего-то не знаю? Что

за слёт тупоголовых инстакуриц?

– Оля? – Саша Голубева, что жила через два дома от нас, удивлённо вскинула брови. – Давно тебя не видела. Где была?

– Срок мотала на зоне! – внаглую сцапав стул у соседнего столика, подсела к ним. – Или Алинка не сказала вам? Простите её за это, застеснялась, наверное.

Сестра нервно сглотнула.

– О, Улечка, не видела тебя давно. Я же не обозналась, правда? Это же у тебя мать в две смены въ*бывает фельдшером на скорой, чтобы её дочери было что поесть завтра и что обуть, или я снова чего-то не понимаю?

Уля потупила глаза, с ненавистью смотря на Алинку, а я переключилась на следующую.

– Что, Анечка, рыбка вдруг «фу!» стала, омаров и деликатесов захотелось? Так заработай, милая! Ручками своими, на которых маникюр за пятак сделан и который папочка твой оплатил, а перед этим на рынке в мороз стоял, рыбку продавал. Ту, что тебе вдруг «фу!» стала. Всё для любимой дочери.

– Оля! – шикнула Линка, пытаясь меня остановить.

«Раньше думать надо было своей одинокой извилиной!»

– Вы, если в игры эти играть вздумали, то хотя бы играйте с выгодой, а не вхолостую. Когда ты вбухиваешь в себя родительское бабло, то оно должно окупаться. – Взглядом впиваюсь в Улю. – Если позиционируете себя товаром, то он должен продаваться, а не на полках киснуть. Найдите покупателя. Вон, хотя бы такого, как те мужики за соседним столиком, – веду головой в сторону колоритной мужской компании, где все как на подбор, и по ним хоть экскурсию ведущих домов мод устраивай. – У одного из них часы на руке, как четыре твоих Марча стоят. Вот он будет готов платить за тебя и твои хотелки в случае удовлетворения его инстинктов.

– Что ты имеешь в виду? Мы не…

Но Улин бунт мне был побоку.

– Упрощаю для особ с клиповым мышлением: если не умеешь зарабатывать головой, заработай п***ой! Лайфхак, милая! Ему уже не одна сотня лет. Особы, не одарённые серой жидкостью в черепной коробке, к коим ты относишься, им часто пользуются. Возьми себе на заметку, – улыбнулась Ульяне и тут же обращаю потемневший от злости взгляд к своей сестре: – А ты, если ещё раз из матери деньги вытрясешь, я из тебя твою паршивую душонку вытрясу, а тушку в лесу под берёзками прикопаю! А заодно и твоих подружек, чтобы тебе скучно не было! Благо у нас в России берёз мно-ого. На вас точно хватит и на несколько поколений таких же дур вперёд. Чтобы через два часа свою ж*пу домой притащила! У тебя по плану генеральная уборка в квартире с мытьём сортира!

– Да пошла ты! – неосмотрительно решила взбунтоваться Линка.

В это время я уже поднялась со своего места, собираясь покинуть это заведение, но она вынудила меня обернуться. Опершись руками о край стола, я попыталась в последний раз донести до её тупой башки, что я – не мать, и её взбрыки терпеть не буду.

– Ну, давай, вякни ещё раз! Только сохраниться не забудь, а то твоё рабочее табло обретёт сейчас нетоварный вид. У тебя два часа! Не придёшь – считай, взяла больничный по причине сломанных ног!

Ещё одной попытки мне возразить не последовало, поэтому я спокойно направилась к выходу, провожаемая взглядами остальных посетителей.

«Наслаждайтесь, господа! Навряд ли вы где-то ещё увидите такое представление».

Глава 8

Выйдя за двери реста, останавливаюсь на крыльце и закуриваю. Гнев, бурлящий внутри, не утихает и небольшой взрыв, который я себе позволила, совсем не унял ту бурю, что варилась внутри. Позади хлопнула дверь и поравнявшийся со

мной мужчина, чиркнув зажигалкой, закурил, останавливаясь рядом.

– Жёстко вы с ними. Молодые ещё, глупые.

Оборачиваюсь к нему и сталкиваюсь с самоуверенным, наглым, насмешливым взглядом зелёных глаз. Передо мной этакий стандартный представитель того болотца, в котором мне некогда приходилось обитать: дорогие котлы на запястье, костюмчик, дороже моей четырки раза в три, а за плечами, скорее всего, сумма в ярды и дох*ярд пафоса в кармане.

– Вы кто?

– Тот, чьи часы стоят как четыре Марча.

Наглая улыбка расползается на губах мужчины. Не надо быть Вангой, чтобы понять, что он слышал разговор в ресте. Видимо, всё же я была излишне громкой.

– Поздравляю, – произношу, отворачиваясь, и сильнее затягиваюсь сигаретой.

– Может, вас подвести?

– Нет, спасибо. Сама справлюсь.

– Имя своё тоже не скажете?

– А вы догадливый, – произношу, выбросив сигарету в урну, и, не оборачиваясь, направляюсь к своей потрёпанной четырке.

Чур меня, чур! Готова перекреститься и водой святой себя окропить как от нечисти, дабы судьба меня больше никогда не сводила с подобными людьми. Такие стелят мягко, только спать потом на тюремной шконке довольно жёстко.

Но мои злоключения, видимо, на сегодня не закончились. Выехав с парковки, я проехала лишь пару зданий, как моя «старушка» встала. Попытка снова её завести, не увенчалась успехом; и я, включив аварийку, дёрнула ручку открытия капота, собираясь выйти из машины. И тут позади моей машины остановился

тёмный Лексус и из него вышел тот самый мужчина, что пытался узнать моё имя у «Fresco». Неужели этот великовозрастный отпрыск своих определённо богатеньких родителей, родившийся с золотой ложкой во рту, думает, что способен мне помочь с отечественным автопромом. Голову даю на отсечение, сейчас предложит эвакуатор или собственное авто в качестве такси.

Как же я не люблю назойливых.

– Помочь?

– А сможете? – не скрывая усмешки, вышла из машины и открыла капот.

Это даже забавно. Ну, давай, мистер «деньги решают всё», удиви меня. Но, к моему изумлению, дорогой пиджак был отброшен прямо на пыльную крышу моей четырки, рукава белой рубашки закатаны до локтей, а руки без всякой брезгливости начали ощупывать и проверять реле, бронепровода и патрубки. Коснувшись бензонасоса, он вдруг отдёрнул руку.

– У вас бензонасос перегрелся. Отвёртка есть?

Я с удивлённо приподнятой бровью взглянула на незнакомца, но всё же полезла в бардачок и протянула ему покрытый многолетней пылью набор отвёрток. Когда ездишь на отечественном автопроме, то из того, что хранится в салоне и багажнике машины, можно при желании вполне собрать вторую такую же. Ослабив хомут и сняв патрубок, незнакомец, приподняв его вверх, попросил меня подержать, отсоединяя второй. И пока я держала два патрубка, он раскрутил бензонасос и прямо своими длинными, явно не приученными к физическому труду пальцами, вычищал из него скопившуюся грязь, которая представляла собой что-то вроде расплавленного пластилина цвета фекалий. Теперь уже моя вторая бровь взметнулась вверх от удивления. Собрав всё обратно и затянув хомуты на патрубках, нажимая на лапку бензонасоса, он дождался, пока бензин поступит в фильтр.

– Сядьте за руль и понажимайте на педаль газа. – Я не возражала и сделала то, о чём он попросил, пока не раздалось: – Попробуйте завести.

Послушно повернула ключ в зажигании, пара оборотов и моя четырочка, к моему полному удивлению, ожила, довольно заурчав движком.

– Спасибо, – произнесла, убирая протянутые им отвёртки. – Я так понимаю, вы ночами автослесарем подрабатываете, а машину друг покататься дал?

– Ага, а часы у брата одолжил. Вы меня раскусили, – и снова эта улыбка, в которой каждый зуб тысяч двести. Видимо, стоматолог тоже в категории друзей. – Просто я когда-то на такой же катался, только вишнёвой, ещё помню их больные места. Вам надо фильтр дополнительный поставить не только на вход, но и на выход, и герметик убрать с насоса. Скажите, пусть заменят на хорошую прокладку – её и менять проще и надёжней, проверено. Герметик лепят сейчас, мол, быстрее, но при таких ситуациях его отковыривать тот ещё геморрой.

– Запомню.

– А теперь я могу узнать ваше имя? – Улыбка Чеширского Кота, ей богу.

– Ольга.

– Вячеслав. Рад познакомиться. Может, вы не будете против выпить со мной чашку кофе?

– В знак благодарности?

Ирония была неприкрытой, и он тут же подхватил:

– Разумеется.

– Отказать будет очень грубо и неуважительно, а не отказать – значит обречь себя на полчаса скучного и предсказуемого разговора, скорее всего, в пафосном «Fresco».

– Ну почему же в «Fresco», тут недалеко «Ride» – неплохая кофейня.

Я рассмеялась:

– Ага, неплохая. Два года назад первый номер в топ десять самых дорогих кофеен города, любимица местной золотой молодёжи и непристроенных содержанок.

– Учитывая время и дорожную обстановку, до любой другой будет добраться проблематично, а пригласи я вас в другой день вы найдёте способ отказаться. Поэтому я, к своему стыду, вынужден настаивать.

– Как витиевато.

– Я старался.

Через двадцать минут мы уже сидели в «Ride». Несмотря на неудобоваримую для меня публику, кофе тут был действительно вкусным, а разговор нескучным и не всегда предсказуемым. И я никак не могла отнести этого мужчину конкретно к какой-то прослойке, вроде и лоск есть и вся его внешность за версту несёт пафосом, но манера держать разговор, жесты и некая пренебрежительность условностями, контрастом выделялась на этом фоне.

– Значит, у вас в планах одна работа?

– Чтобы что-то кушать, надо на это заработать.

– Согласен, но впереди лето. Как же отдых?

– В вашем случае, думаю, это будут Мальдивы или Европа.

– Пройденный этап. Мне по вкусу местные красоты. СНТ «Огурцы», грядки тётушки с клубникой и местный пруд с карасями и лещами.

Я чуть кофе не подавилась:

– Кхм… смешно.

– Я серьёзно.

В моих глазах стойкое неверие, в его – обида, якобы неподдельная. Ну да, поверила, как же.

– Ольга Владимировна? Алексеева? – раздалось внезапно. Я подняла голову на остановившегося возле нашего столика мужчину, коим оказался Борис Степанович Фридман – один из моих бывших клиентов. – Как же я рад вас видеть, – и он, взяв мою руку, оставил почтительный поцелуй на тыльной стороне ладони.

– Спасибо, Борис Степанович, я тоже рада встрече.

– Слав, я смотрю, тебе несказанно повезло! Ольга Владимировна просто акула в бухгалтерии, вытащит из любой зад… кхм… ямы.

«Зато ты сейчас меня туда загнал», – промелькнуло в моей голове.

Я сразу поняла, что вся моя история о том, что я обычная официантка, ищущая новое место работы, в эту секунду посыпалась как карточный домик.

– Вы преувеличиваете мои заслуги, – но маска доброжелательности не дрогнула, и я улыбнулась.

– Ольга Владимировна, это я преуменьшаю, поверьте. Ещё раз моё почтение, – галантный наклон головы и Фридман, попрощавшись, направился к выходу.

– Видимо, ангел-хранитель на моей стороне сегодня, – произнёс мой новый знакомый, давая мне понять, что за этим определённо последует просьба, и я даже догадываюсь какая. – Вы не поверите, но мне жизненно необходим гениальный бухгалтер.

Как предсказуемо.

– Ничем не могу помочь, Вячеслав.

– Я давно знаком с Фридманом и доверяю его мнению, поэтому любая сумма.

– Дело не в деньгах. Я не работаю сейчас.

– Ольга, вы не поняли, любая сумма, – предпоследнее слово он выделил особо, всё так же шикарно улыбаясь.

– Это вы не поняли, – в моём голосе уже звучат нотки металла, ибо это тема мне неприятна. – Я не могу вам помочь, даже если бы хотела.

– Ольга… – снова начал мой новый знакомый, но мне надоел этот разговор, поэтому я обрываю его на полуслове.

– 174 УК РФ, – откинувшись на спинку стула, я смотрю прямо в его глаза, наблюдая, как выражение его лица становится абсолютно серьёзным и сосредоточенным. – Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём, отягощённая крупным размером и тем, что я была при должности. Шили семь, дали пять лет шесть месяцев и предписанием штрафа в пять лямов, это с компенсацией ущерба и то, что якобы потерпевшая сторона была удовлетворена приговором и больше не имела претензий. Отсидела два года два месяца, вышла на днях по УДО с запретом заниматься бухгалтерской или иным видом деятельности, связанным с денежным оборотом, сроком на пять лет. Так что я действительно ничем помочь вам не могу, Вячеслав.

– Интересная вы девушка, Ольга, – секундная тень растерянности, промелькнувшая во взгляде, скрыта вроде за естественным жестом, – он потянулся за чашкой и пригубил кофе.

– Ага, сундучок с сюрпризами.

– И всё же выход из ситуации всегда найти можно. Возьмите, – вытащив портмоне, он достал из него визитку и положил на стол. – Если передумаете, позвоните. – На чёрном куске картона чётким красивым шрифтом без излишков в дизайне значилось: «Усманов Вячеслав Викторович. Мебельная компания». – У меня безвыходная ситуация, и я готов заплатить абсолютно любую сумму за оказанную помощь, иначе я рискую оказаться там, откуда вы недавно вернулись.

– Сочувствую. Искренне, правда. Мне пора, Вячеслав. Спасибо за помощь и кофе.

Я поднялась со своего места, всё-таки взяв визитку. Чисто профессиональный интерес: надо загуглить, что за компания и каков оборот. Чтобы хотя бы реально понимать, с кем я сейчас разговаривала.

Глава 9

До дома я добралась без происшествий. Заглянула к Валерке, рассказала про бензонасос, отдала ему деньги за бензин и колёса. За расходники сразу отдать не хватило, придётся позже частями.

– Валер, а за работу сколько?

– Я же сказал, не возьму.

– Слушай…

– Алексеева, тема закрыта, – сказал, как отрезал, вызывая у меня этим улыбку. Ещё раз его поблагодарив, пошла домой, мысленно планируя, чем заняться в первую очередь.

Надо в квартире устроить уборку, а то мать на работе в две смены пропадает и ей просто некогда. Алинка палец о палец не ударит, а от меня должна же быть хоть какая-то польза.

Я уже сняла с гардин шторы и замочила их в ванне, когда услышала звук открываемого замка. Ага, значит, явилась моя сестрёнка.

– Ну и что ты устроила?! – завопила, едва переступив порог. – Ты понимаешь, что ты меня опозорила перед всеми! Как я теперь в глаза людям смотреть буду?! Ты, видимо, совсем одичала за эти два года в своей колонии! Да ещё и выражаешься как урка последняя!

– Ты с пьедестала-то иногда спрыгивай, – произнесла равнодушно, вытирая руки о полотенце и наблюдая за её истерическими воплями. – Помыться там, пыль смахнуть, голубиный помёт с плеч счистить.

– Да ты задолбала просто! Я Марку скажу, он тебя обратно засадит за решётку! Тебе только там и место, а не с нормальными людьми!

– Твой Марик может только дорожку кокса в себя засадить и не более. Совет на будущее: не пытайся меня запугать. Пуганная. А сейчас разделась и пошла стирать шторы, иначе твоя черепушка познакомится со стеной. – Но Алинка не тронулась с места. Достала, коза! – Считаю до трёх. Раз…

– Ненавижу тебя! Ненавижу!

Смотри-ка, почти на ультразвук перешла. Может, ей капли успокоительные в чай подливать?

– Ногой ещё топни для усиления драматического эффекта, – бросила через плечо, снова скрываясь в ванной, дабы набрать в ведро воды и начать отмывать окна.

Но мои слова всё же возымели эффект, и принцесса принялась за стирку, а потом отмыла всю ванную и туалет. Может, не всё ещё потеряно: руки-то не из жопы, оказывается, растут, главное – мотивировать правильно.

Уборка вымотала, а ещё надо было приготовить ужин.

Пересчитав оставшиеся в кармане деньги, отправилась в магазин, по пути набирая Светку.

– Привет!

– Привет, подруга! Ну как, пришла в себя?

– Да немного. Я по вопросу одному звоню. У тебя брат всё ещё преподом в универе работает?

– Да, всё там же.

– Мне бы узнать, как Алинка учится. А то мать бабки всаживает, а эта овца, похоже, там и не появляется.

– Спрошу, Оль. Как узнаю, тебе наберу.

– Спасибо.

– Пока не за что. Заходи в гости, потрещим. Я соскучилась по тебе, ты бы знала как.

– Я тоже. Сейчас немного разгребусь с домашними делами.

– Что, совсем беда?

– Да как тебе сказать. Мать впахивает за двоих, а Линка деньги из неё сосёт. Сегодня у неё из кармана последние вытащила, даже на проезд до работы не оставила. Хорошо, у меня было немного, так я матери сунула. Думала, прибью на х*р эту овцу. Так ты прикинь, эта дура ещё меня своим парнем вздумала пугать. До её куриного мозга даже не доходит, насколько это убого со стороны выглядит.

– Может, там мачо размером со шкаф.

– Видела я этого мачо. Это глиста в колготках, прилизанный, как девка на выданье. Он отпрыск богатого папочки. Сухановский сынок. Может, слышала эту фамилию? С малолетства на дури сидит. И наша овца с этим говном связалась.

– Суханов – это который депутат?

– Ага. – На это Светка отборно выругалась в трубку, хотя матом выражалась крайне редко, в отличие от меня. – На бабло повелась, жизни красивой захотела.

– Если бы можно было поделиться мозгами, я бы некоторым немного подарила, – выдохнула в трубку Светка, и я была с ней полностью согласна.

Пока я шла домой из магазина, мне пришли сообщения от Светки, открывавшие неприглядную правду на «успехи» моей сестрёнки в учёбе, которые были, мягко

говоря, очень средними.

– На, это тебе подарок, – произнесла, бросая на Линкину кровать чупа-чупс.

– Что это? Я же не ребёнок.

– Сосать учись. Это единственное, что у тебя может получиться, учитывая, что ты едва не завалила прошлую сессию.

– Но не завалила же.

– Значит, защиту завалишь.

– Не завалю.

– Ты диплом-то хоть начала писать?

– Я заказала.

– Позволь поинтересоваться на какие доходы? Или снова к матери в карман залезла?

– Мне Марк дал.

– А, тогда чупа-чупс вполне актуален, не прогадала.

– Может, хватит уже ко мне цепляться? Или ты вернулась, чтобы мне жизнь портить?

– Поверь, ты и без меня с этим неплохо справляешься.

Пока я готовила на кухне ужин, Алинка сь*балась. Мои звонки она игнорировала, а когда стрелка часов перевалила за полночь, и вовсе отключила телефон. Либо моя сестра совсем отмороженная с полным отсутствием мозгов, либо что-то могло случиться. Мысль о последнем я усиленно гнала от себя прочь.

Заснуть удалось около трёх часов, а в пять раздался телефонный звонок. Номер был незнаком.

– Слушаю.

– Вы сестра Алины? – раздался в трубке не совсем трезвый девичий голос.

– Да. Что случилось?

– Мы за городом, а она перебрала сильно… Мы пытались её привести в чувство, но безрезультатно.

– Адрес пришли сообщением, – произнесла я, рывком поднимаясь с кровати.

***

После работы заехал в «ЖК Новый квартал», проверил, как продвигается ремонт в новой квартире, а после выдвинулся к Орлову. Артём собирал всех на открытие сезона шашлыков. Я до последнего сомневался, стоит ли ехать, но трио в лице Франца, Орлова и Волкова оборвали мне телефон, не оставляя выбора.

– Наконец-то, ваше величество соизволило нас почтить своим присутствием, – произнёс Стас, выходя мне навстречу, стоило припарковать машину у ворот.

– Падай в ноги, челядь! – усмехаясь, двинулся к нему.

– Вот сука!

Попытка дотянуться до меня своими клешнями, потерпела провал, напоровшись на мой блок. Во двор мы ввалились, смеясь и пытаясь друг друга повалить на землю.

– Ты, Усманов, высокомерная тварь.

– От тебя научился. Короной не поделишься?

– Нах*я тебе две?

– Менять по настроению буду.

Во дворе уже вовсю гремела музыка, на мангале жарилась третья партия шашлыков и овощей, девчонки танцевали на импровизированном танцполе. Помимо троицы, обрывавшей мне сегодня телефон, за столом сидели Лавровы и Титовы.

– Вы сегодня в полном составе?

– Ага, а ты думаешь, чего эти трое до тебя доколупывались весь день, – ответил Дёмка, приобнимая уже заметно округлившуюся в животе Вику.

– Так вы сколько уже сидите?

– Часов с семи. Что пить будешь? Виски, ром, вермут, вино?

– Ничего. Мне ещё обратно в город ехать.

– Какой «в город»?! – выкрикнул Стас, поворачивая шампуры на мангале. – Дёма, забери на хрен у него ключи от тачки!

– Стасян, мне правда в город надо, у меня завтра встреча с юристами.

– Да ты за*бал! В жопу твоих юристов! Позвони, перенеси. – И, подойдя к столу и выкладывая мясо в тарелку, кивнул Лаврову: – Ден, наливай ему рома. И вообще, – уже тише, склонившись рядом со мной, – соберёшься смыться, я Орлову шепну, как ты лоханулся с налоговой. А он уж затеет операцию по твоему спасению.

А вот это был запрещённый приём, и Стас это знал, поэтому так ехидненько улыбался.

– Наливай ром, – обречённо бросил я Дену, – только льда сыпани побольше.

– Вот сразу бы так. А то сидит, ломается как девка.

Около одиннадцати Демид проводил Вику в дом Волковых, где уже спали дети под присмотром няни, а у нас пошёл очередной виток веселья. Ксюха где-то откопала старую книженцию для тамады с конкурсами и шутками. Судя по состоянию книжки, Тёмыч с её помощью растапливал мангал. Но рыжую это мало волновало, ибо в неё вселился дух веселья и генератора идей. Наш дикий хохот разносился на весь посёлок, когда, не найдя ни одной шапки для конкурса, рыжая предложила использовать кастрюлю, и почему-то все согласились.

Песни, музыка, смех на все голоса, гремели до трёх ночи, а потом ещё часов до пяти мы сидели у горящего мангала, вспоминали армейку, спортивный клуб в подвале, да много чего ещё.

И только около семи утра я, с трудом отцепив от себя Франца, сел в машину. Из алкоголя во мне было всего два бокала разбавленного рома, выпитого более пяти часов назад. Я чувствовал себя полностью трезвым, только спать очень хотелось. Но, в случае чего, Дёмка пообещал подстраховать, поэтому я, моргнув фарами на прощание Волкову и Францу, стоявшим у ворот, выдвинулся в город.

Только у выезда из посёлка меня ожидал сюрприз в виде уже знакомого чёрного ВАЗа 2114.

Глава 10

Стоя у шлагбаума в коттеджный поселок, я нервно курила, прислонившись к дверце машины, и пыталась дозвониться до той девушки, что прислала адрес. Меня не пускали на территорию, и этот вопрос надо было как-то решить.

– Наши встречи становятся всё неожиданней, – раздалось из притормозившей возле меня машины. Это оказался уже знакомый лексус и его владелец.

– Доброе утро, Вячеслав!

– Снова с машиной беда?

– Нет, мне на территорию посёлка надо, сестру забрать.

Он сдал назад, останавливая машину у будки сторожа, что-то ему сказал, а после повёл головой, приглашая меня проехать. Сев в машину, я заехала на территорию и притормозила возле него.

– Спасибо.

– Адрес какой?

– Лесной проезд, 348.

– Поезжайте за мной.

Пока мы двигались по вылизанным и ухоженным улицам посёлка, я связалась с девушкой, которая мне звонила, и сообщила, что подъезжаю. Лексус Вячеслава остановился у чёрных кованых ворот, за которыми виднелся огромный трёхэтажный коттедж.

Алинку уже вели под руки две девицы, тоже вдаренные, но передвигавшиеся на своих двоих и вполне вменяемые. Сестра, видимо, уже начала приходить в себя, ибо завопила сразу, как только увидела меня:

– Какого чёрта?! Я не поеду с ней! Да вы чего угораете?! Я в жизнь в этот таз не сяду!

Но её попытка вырваться не увенчалась успехом. Отчасти потому, что меня её перфомансы уже задолбали. Выйдя из машины, я перехватила сестру и, заломив ей руку, у*бала лицом в багажник машины. Всё! Моё терпение закончилось. Она завизжала сильней: с соплями, оскорблениями и слезами. Сопровождавшие её девушки тут же скрылись за воротами.

– Заткнулась и села в машину! – прошипела, склонившись над ней. Я едва себя сдерживала, чтобы просто её не отделать, прям тут. – Ещё слово услышу, я тебе печень отобью. – И, открыв пассажирскую дверь, впихнула её в салон машины.

– Помощь нужна? – Вячеслав, выйдя из машины, подошёл ко мне, закуривая и протягивая мне пачку.

Поблагодарив, я вытащила сигарету и подкурила.

– Спасибо. Справлюсь, – выдыхая в сторону дым и чувствуя, как желание убивать немного стихает.

– Не сомневаюсь. – На удивление, в его глазах не было ни тени насмешки, лишь неожиданное понимание. – Родственники порой доставляют кучу неприятностей.

– Только в том случае, если в их голове отсутствует мозг, ну и элементарное чувство самосохранения.

– Согласен. Я провожу вас.

– Не стоит, я и так вас отвлекла.

Он сегодня выглядел немного помятым – вероятно, ночка тоже была бессонной, как и у меня, правда, думаю, повод был более весёлым и приятным.

– Мне несложно, – улыбка преобразила его лицо.

Я лишь усмехнулась. Уверена, одной этой улыбки ему хватает, чтобы укладывать баб в постель штабелями, и, наверное, лет пять назад я и сама бы купилась. Выбросив окурок, села в машину, разворачиваясь и направляясь к выезду из посёлка. Алинка, шмыгая носом, периодически подвывала тихо звучащему радио, а тёмный Лексус всё маячил позади, вызывая смешанные чувства.

С боем уложив Алинку в постель, осела на кухне, сделала себе кофе покрепче и, забросив в урчащий от голода желудок бутерброд, села за стол, снова зависнув на сайте с вакансиями. Сегодня было назначено несколько собеседований, но я была не уверена в позитивных результатах. Неожиданно зазвонил телефон, и на экране высветилось имя, когда-то забитое в память. Кофе мгновенно встало поперёк горла. «Тебе-то что надо, мразь?!»

– Слушаю.

– Привет! – раздалось в трубке. «Сережа, мать его, – один из близких друзей Влада».

– Что надо?

– Да ничего. Тут видел тебя в «Fresco», стало скучно, решил набрать – узнать, как жизнь, как дела. Работаешь сейчас?

– В следующий раз будет скучно – сходи нах*й! – и, сбросив вызов, отправила его номер в чёрный список.

На протяжении этих двух лет мне казалось, что прошлая жизнь – уже перевёрнутый лист, пройденный и забытый, но, стоило выйти за пределы колонии, она упорно напоминало о себе почти ежедневно.

***

Чёрный ВАЗ бодро свернул с главной улицы в сторону, а я прибавил газу, направляясь домой. Время уже подходило к девяти часам, а мне ещё надо до появления в офисе успеть привести свою морду в человеческий вид. Правда мысли были совершенно не о работе…

– Марат, привет! – ещё растираясь полотенцем после душа, поздоровался со знакомым, поставив телефон на громкую связь.

– Здорово, – зевнул тот в трубку.

– Мне тут об одном человечке информацию найти надо, поможешь?

Марат был человеком незаменимым – старший следователь в управлении имел достаточно рычагов и возможностей.

– Криминал?

– Нет.

– Тогда без проблем.

– Алексеева Ольга Владимировна, отсидела по 174-й статье, вышла недавно по УДО. Интересно всё, что есть.

– А говоришь, не криминал. Усманов, ну твою мать.

– Да мне просто информацию. Я в долгу не останусь, ты же знаешь.

Конечно, он знал, ведь любимый элитный коньяк в его баре появляется с моей лёгкой руки и не только он.

– Скинь данные сообщением, наберу в течение дня.

– Благодарю, – сбросив вызов, открыл шкаф.

Давно так меня не занимала мысль о какой-то женщине, а тут не просто занимала, а настойчиво зудела в мозгу. И дело было совсем не в её профессии и не в рекомендациях Фридмана, хотя и это тоже имело немалый вес. Этот взгляд с вызовом и одновременно с интересом, в котором не было ни грамма флирта, только обещание: в случае чего перегрызть сонную артерию. И, учитывая, с каким мастерством и силой она приложила свою сестру, чужую артерию она вскроет тоже мастерски. Именно этот взгляд отпечатался в мозгу, вызывая неподдельный интерес и желание продолжить наше знакомство.

Глава 11

День прошёл, как обычно: в режиме повышенной скорости и огромного количества задач. Да ещё, как дамоклов меч, надо мной висела проблема с налоговой. Несмотря на непрерывные поиски выхода из «задницы», решение я так и не нашёл.

Выйдя из офиса, закурил, вглядываясь в уже потемневшее небо. В свою одинокую и пустую квартиру отчаянно не хотелось. Единственным человеком, который мог меня переносить в таком гадком расположении духа, была Даяна.

– Привет! – Она открыла дверь квартиры, мягко улыбаясь и поправляя немного распахнувшиеся полы шёлкового халата.

– Привет. Отлично выглядишь. Одна?

– Проходи.

Шагнув в квартиру, привлёк её к себе, целуя коротко в губы и протягивая пакет с красным вином и бельгийским шоколадом – и то и другое было из категории её любимых.

– Ужинал?

Смотрю в её красивые глаза и лишь веду отрицательно головой. Она больше ничего не спрашивает, просто идёт на кухню и разогревает еду. А после уже стоит у приоткрытого окна, медленно затягиваясь своей тонкой ментоловой сигаретой, и наблюдает, как я ем. Мне нравится это в ней: никакой суеты, лишних слов, желания угодить, сюсюканья, нелепой игры. Она понимает, причём гораздо больше, чем произносит вслух.

Закончив с едой, подхожу к ней, обнимаю и тянусь к её пачке, лежащей на подоконнике.

– Можно?

– Конечно.

Оторвав фильтр, подкуриваю, шире открывая окно и прижимая к себе Даю.

– Ты нашёл человека, который сможет тебе помочь?

– Нет, – кривлюсь, но больше от сигареты.

«Как она подобное курит? Словно жевательную резинку с табаком смешали». Но моя пачка осталась в машине, и идти мне за ней не хочется.

– Я переживаю за тебя, время уходит.

– Будешь носить мне передачки? – усмехаюсь, целуя её в лоб.

– Не смешно, Слав.

– Почему же? Даже опыт неудачи – тоже опыт. Научусь чифирить, различать краплёные карты, делать заточки и шить верхонки. Что там ещё делают?

– Усманов, – она несильно бьёт своим кулачком мне в грудь.

Я улыбаюсь, беря её руку в свою, и целую тонкие пальчики. Мне нравится её забота и та искренность, с которой она говорит.

– Ты на тусовку Герцена идёшь? – переключает она разговор.

– Конечно. Как я могу лишить местное сборище новой порции сплетен. Всем же интересно посмотреть: держусь я ещё на плаву или уже сложил голову на плаху нашего правосудия.

– Сплетни быстро расходятся.

– Как круги на воде. – Делаю последнюю затяжку и тушу окурок в пепельнице.

Дая, словно что-то вспомнив, отстраняется и ненадолго выходит из кухни, а вернувшись, протягивает мне исписанный лист, и я тут же пробегаю по нему глазами.

– Слав, тут контакты лучших бухгалтеров из тех, кого я знаю, – попробуй.

– Спасибо, но я уже у всех у них был.

– Тогда вот, – она положила две визитки на подоконник рядом с моей рукой. – Это контакты адвокатов. Девяносто девять выигранных дел, оба специализируются по экономическим.

– Уже видишь меня за решёткой? – Я не могу сдержать улыбки, смотря в её обеспокоенное лицо, и снова привлекаю к себе, сжимая в своих руках.

– Скорее, страшусь тебя там увидеть, – тихо звучит её голос, и руки обвивают моё тело, прижимаясь сильней.

– Всё будет хорошо Даян. – Хочу добавить, что «я найду выход», но меня прерывает звонок телефона.

– Да, Марат. – Дая сразу отстраняется и тихо выходит из кухни, не желая мешать разговору.

– Слушай, нарыл я немного по твоей Алексеевой. Ты мне только скажи, откуда ты её знаешь?

– Недавно пересеклись. Что-то интересное есть?

– Да. Я пробивать начал и вспомнил эту историю. Она прогремела тут пару лет назад. Ты же тоже её помнить должен – по всем телеканалам крутили.

– Меня тогда могло не быть в городе, да я и не следил никогда за такими темами.

– Короче, официальная версия: работала Ольга Владимировна Алексеева на некоего Павленко Сергея Юрьевича. Занималась конторка автозапчастями. Со многими в договорах была, и вроде всё красиво – не подкопаться. Только, видимо, у Павленко какие-то тёрки с кем-то произошли, потому что всплыла в налоговой нехорошая информация о сокрытии дохода в крупном размере. Начались проверки, и оказалось, что конторка Павленко это всего лишь «дочка» небольшой торговой сети, которой рулил Игнатов Владислав Эдуардович. А там не только укрытие от налогов, но и отмыв бабла шёл для определённого круга лиц. А запчасти – это так, хорошее прикрытие; мол, всё чисто и официально – не под**бётесь. И знаешь, если бы его не слили, то и не под**бались бы.

– При чём тут Алексеева?

– А при том, что она в конторке этой бухгалтером числилась, и всё это дело на нее повесили – мол, это она рулила и с её руки всё это происходило. А официально выходило, что Игнатов и Павленко вообще ни при делах: ничего не слышали, ничего не видели. Говорят, «у нас запчасти, комплектующие и всё». «Мол, вон это всё она, а мы мимо проходили и вообще мы пострадавшие, – жалейте нас». Суд шил ей семёрку, дали пять, отсидела два, вышла по УДО. Всё.

– А неофициальная версия?

– В кулуарах наших тогда шептались, что Алексеева – пешка, просто если бы не она села, то сели бы Игнатов и Павленко по полной, и не факт, что вышли бы. Эти «двое из ларца» ещё до суда передали все дела адвокатам и занялись активной чисткой своих счетов. Конечно же, официально это тоже были не их счета и не их деньги, только трафик на офшоры нехилый полился, а после суда и сами «добры молодцы» конторки свои прикрыли и за бугор на годик свалили. Нас всех больше всего удивляло то, что Алексеева была девушкой Игнатова и два года они проживали вместе; и, судя по соцсетям самого Игнатова, там любовь до гроба была. Но на показаниях Игнатов чуть ли не крестом себя осенял и клялся на крови, что знать не знал, какую змею на груди пригрел.

– То есть ты не поверил, что она – тот самый «доктор зло»?

– Девочка, конечно, талантлива, даже очень. Скажу больше, что именно это и сыграло против неё – слишком много людей знали об её умениях выводить нужные циферки в нужных бумагах. Но я сам видел её дело и скажу тебе так: там слепой поймёт, что состряпали его, и можно без труда разобрать, где её работа, а где – чужая рука. Игнатов-старший – не последним человеком в области, на тот момент был и денег там куры не клевали. Он из трусов бы вылез, чтобы своего единственного и внезапно оплошавшего сына из-под удара вывести. И что ему стоило какую-то девчонку посадить. В общем, всё как обычно – все всё понимают. Но я повторюсь, это лишь сплетни и догадки. Официально Алексеева признана виновной и отсидела по 174-й статье. Поэтому, если ты хотел её на работу взять, то не стоит – проблемы могут вылезти, откуда не ждёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/karpinskaya_nastas-ya/pustaya-karta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить